

После того как все сели и подали чай, как раз вернулся Гу Хуайюй. Он сел рядом с Сюэ Цзя, чтобы составить компанию гостю, и стал слушать, как Чэнь Линьцин рассказывает о знаменитой цитре. Услышав историю инструмента, Сюэ Цзя почувствовал себя неловко и поспешил отказаться:

— Брат Чэнь, эта цитра слишком ценна.

Чэнь Линьцин слегка сжал бледные губы, на лице его появилась лёгкая улыбка:

— Братец Цзя, ты когда-то играл на цитре в Академии «Облачное небо». Твой звук был чистым и возвышенным, как у древних мастеров, и я был глубоко восхищён. Есть стихи: «Хочу излить свои чувства через цитру, но кто услышит, если струны порвутся?» Другие мечтают найти понимающего слушателя, а я встретил тебя. Как же мне повезло. Я дарю тебе не просто драгоценную цитру, а дарю тебе «Горы и воды» — символ понимания.

Слова Чэнь Линьцина были настолько искренними, что Сюэ Цзя не смог отказаться. Он уже думал, каким равноценным подарком можно ответить, как вдруг заметил, как Гу Хуайюй, сидящий рядом, бросил взгляд на служанку Даньнян. Та, поняв намёк, слегка поклонилась и вышла.

В душе Сюэ Цзя появилось сладкое чувство. Казалось, они с Хуайюем становились всё более гармоничными.

Но в следующую секунду Гу Хуайюй повернулся к нему. Хотя он не надул губы, его взгляд был полон упрёка, словно он хотел покапризничать. Сюэ Цзя мгновенно понял его мысль: «Цзя, ты умеешь играть на цитре? Почему я об этом не знал? Ты никогда не играл для меня?»

Сюэ Цзя слегка смутился, хотел было успокоить его, но вспомнил, что напротив сидит Чэнь Линьцин, и сдержался, продолжая разговор с гостем.

Если бы они говорили о мировых событиях или обычаях, Гу Хуайюй, обладающий определённым опытом, мог бы вставить свои слова. Но Чэнь Линьцин всё время задавал Сюэ Цзя вопросы на академические темы, некоторые из которых были весьма сложными. В результате Гу Хуайюй вынужден был сидеть рядом, улыбаясь, как украшение.

В конце концов Сюэ Цзя не выдержал и полусхотливо предложил Гу Хуайюю:

— Раз уж ты сидишь здесь без дела, почему бы не пойти в кабинет и не досмотреть оставшиеся бухгалтерские книги? Ты ведь знаешь, на каком я остановился?

Гу Хуайюй кивнул — конечно, он знал, ведь вчера вечером они вместе с Цзя листали их, превратив это в своеобразное развлечение. Он встал и поклонился Чэнь Линьцину:

— Господин Чэнь, тогда вы продолжайте беседу с Цзя. Извините, я откланяюсь.

Как только Гу Хуайюй ушёл, выражение лица Чэнь Линьцина стало более холодным:

— Он ведь не знал, что ты умеешь играть на цитре, не так ли?

Сюэ Цзя слегка опешил. В голове его мелькнула невероятная мысль: неужели Чэнь Линьцин намеренно хотел увести Хуайюя? Но зачем? Может, он хотел что-то сказать ему наедине?

Чэнь Линьцин с лёгкой жалостью и непонятной грустью в глазах произнёс:

— Видишь, он не понимает тебя, не знает, кто ты на самом деле. Он не осознаёт, что такой умный и талантливый человек, как ты, не должен быть скован таким образом. Ты не должен быть заперт в этом маленьком мирке, ежедневно занимаясь торговыми делами, погружаясь в обыденность.

На лице Сюэ Цзя исчезла улыбка. Он холодно прервал Чэнь Линьцина:

— Я сделал это добровольно.

Чэнь Линьцин глубоко нахмурился, его взгляд стал пронизательным, а голос — почти требовательным:

— Ты можешь сказать, что ни разу не пожалел о том, что женился на Гу Хуайюе? Ты можешь сказать, что полностью готов ради него отказаться от своего светлого будущего? Ты можешь сказать, что тебя не волнует, что в будущем ты станешь таким же, как он — всего лишь торговцем?!

Лицо Сюэ Цзя стало холодным, но он не стал сразу возражать.

Неужели он ни разу не жалел? За триста с лишним дней и ночей, проведённых в доме Гу, он пережил множество одиноких вечеров. Несмотря на то, что у него были все возможности для нового старта, он добровольно связал себя по рукам и ногам. Иногда он задумывался, а не ошибся ли он с самого начала? Или, может быть, он просто принял иллюзию за любовь? Но каждый раз, когда он встречался с Гу Хуайюем, он чувствовал ту самую необъяснимую эмоцию. Он ясно понимал, что погружался в глаза этого человека всё глубже и глубже, не имея возможности выбраться.

Да, он жалел. Но он больше не мог уйти.

Он чётко понимал, что просто не хотел уходить.

Чэнь Линьцин, видя, что он молчит, с ещё большей горечью произнёс:

— Я так и знал, что ты не делаешь это добровольно. Это ради семьи Сюэ? Или ради твоего отца? Ведь они не были к тебе добры! Почему ты не можешь отпустить себя?

— Ты знаешь... Как мне больно видеть тебя таким?

— Я не знаю, — Сюэ Цзя поднял слегка опущенное лицо, его взгляд был холоден. — Чэнь Линьцин, я даже не знал, что ты стал настолько поверхностным, что начал презирать торговцев. Разве этому учил тебя директор Чэнь?

Если до этого момента Сюэ Цзя ещё не понимал, какие чувства питает к нему этот старый друг, то теперь всё стало ясно. Оказывается, то, что он увидел в Академии «Облачное небо», не было плодом его воображения.

— Братец Цзя! — Чэнь Линьцин вскрикнул, не отвечая на вопрос, его лицо было искажено болью. — Год назад, когда я узнал, что ты собираешься по воле отца жениться на втором молодом господине Гу, я чувствовал, что ты недооценён. Но я ничего не мог сделать, только смотрел, как ты страдаешь, становясь посмешищем для всего Юньчэна... Ты даже не представляешь, как мне было больно... Ты заслуживаешь лучшей жизни, ты заслуживаешь лучшего...

Сюэ Цзя всё это время смотрел на Чэнь Линьцина с холодным выражением лица, его тон был чётким и решителен:

— Для меня Хуайюй — лучший.

Возможно, слишком хорошо понимая горечь неразделённой любви, Сюэ Цзя в конце смягчился:

— Если ты хочешь, чтобы я продолжал считать тебя другом, лучше больше никогда не говори так.

Чэнь Линьцин, чьё возбуждение постепенно угасло, выглядел ещё бледнее, его голос стал слабым:

— Ладно... Братец Цзя, тогда я ничего не сделал, и это была моя ошибка. Только когда я потерял тебя, я понял свои настоящие чувства... Это чувство, я не хочу испытывать его снова.

Сюэ Цзя нахмурился:

— Что ты задумал? Чэнь Линьцин, не делай необдуманных поступков, это никому не пойдёт на пользу. Ты... Забудь меня, ты обязательно встретишь кого-то лучше.

Чэнь Линьцин с горькой улыбкой посмотрел на Сюэ Цзя, его лицо было печальным:

— Лучше не будет. Как ты сказал, для меня ты — лучший.

Несколько лет назад, когда этот человек впервые появился перед ним, он не смог устоять перед его талантом и умом. Его улыбка была так нежна, его движения так грациозны, а взгляд — более яркий, чем рябь на осеннем пруду. Каждый разговор с ним был настолько лёгким и приятным, как полёт птицы на ветру, как безграничное небо. Этот юноша был как горный ветер, проникающий в самые сокровенные уголки его сердца.

Но этот юноша не стал его. И лучше уже не будет.

Когда Чэнь Линьцин уходил, Сюэ Цзя не проводил его, только отправил слугу.

Слуга по имени Чан Тин выглядел очень милостиво. На полпути он, словно невзначай, тихо утешил Чэнь Линьцина, его голос был мягким:

— Господин Чэнь, в этом мире так много людей, зачем же цепляться за одного?

<http://bllate.org/book/17686/1649995>